

Детство как жизненный период и как личностная парадигма Марины Цветаевой

В очерке, посвященном Н. Гончаровой (1929 г.), М. Цветаева высказала мысль, что ключ к пониманию любой личности нужно искать именно в детских годах этого человека. О детстве самой М. Цветаевой написано много: не только исследователями ее творчества, но и самой Мариной Ивановной, и ее младшей сестрой Анастасией Цветаевой. Но такое разнообразие материалов и источников отнюдь не делает вопрос о роли детского периода в эволюции творческой личности поэта ясным и простым. Напротив, существует множество спорных моментов и противоречий. Противоречиво, прежде всего, содержание воспоминаний двух сестер – Марины и Анастасии – об общем, а на самом деле – таком разном детстве.

По своей тональности воспоминания Анастасии Цветаевой (Аси) очень светлые и завораживающе живые, радостные. В них – удивленный и доверчивый взгляд ребенка на мир, вновь и вновь открывающий свои тайны.

Этот же добрый, детский мир отражается не в воспоминаниях, а в ранних стихах Марины Цветаевой (Маруси), в частности, в стихах, вошедших в ее первый поэтический сборник «Вечерний альбом». Как охарактеризовал его Н. Гумилев, «первая книга Марины Цветаевой «Вечерний альбом» заставила поверить в нее, и, может быть, больше всего – своей неподдельной детскостью, так мило-наивно не сознающей своего отличия от зрелости» [1. С. 87]. Эта «мило-наивная» детскость связана скорее не с творческой неопытностью и незрелостью, не с неумением, а нежеланием быть «как взрослые».

Ранние стихи М. Цветаевой и по тональности, и по содержанию близки и созвучны воспоминаниям А. Цветаевой о раннем периоде жизни. Тот же светлый и уютный мир любимых книг и музыки, вечерних разговоров и детских забав. Детство как сказка – лейтмотив и «Вечернего альбома» М. Цветаевой, и глав «Детства» из «Воспоминаний» А. Цветаевой.

Но если А. Цветаева захвачена своим прошлым, как наваждением, увлечена подробностями и создает своеобразную бытовую летопись детства, то для ее старшей сестры важны не подробности, а образ детства. Она увлечена не внешним, а внутренним, не описанием быта, а описанием бытия – себя в детстве, ощущения себя в детстве. И получается, что тональность двух сестер, конечно, схожа, но только тональность. А содержание обретает совсем иной смысл. Для Марины Ивановны детство не просто пора безоблачного счастья, где «все бесконечно дорого» и «всякое воспоминание – радость». Счастье, радость – не главное (тем более в ее прозе 30-х годов детство предстает отнюдь не радостным). Все это – лишь внешние, поверхностные проявления жизни. А главное – переосмысление, в том числе и образное, переживание внешних впечатлений. Детство – это пора напряженной, неустанной, часто не осознаваемой самим ребенком работы по изучению мира и себя. Но Цветаева-то, наверное, осознала эту работу в себе уже тогда, в детстве. Не случайно «любимое занятие с четырех лет – чтение, с пяти лет – писание. Все, что любила до семи лет, и больше не полюбила ничего» [3. С. 5]. Даже в «Воспоминаниях» А. Цветаевой Маруся предстает не по-детски серьезной и своенравной, даже по праздникам погруженной в книги. Возможно, это не просто рано проснувшаяся любовь к книгам, к слову или форма бегства от реального мира, но, если можно так предположить, бессознательное стремление узнать, увидеть, прочувствовать все раньше, воспользовавшись детством как единственной порой абсолютной свободы, независимости от всего внешнего и чуждого, от которого до определенного времени можно отгородиться хотя бы возрастом («маленькая еще»).

Потому так невосполнимо ценно детство. Не случайно в стихах пограничного периода (перехода от детства ко взрослости) слышится одна и та же идея, похожая на молитву: «Да минует Меня чаша сия».

Ты дал мне детство – лучше сказки

И дай мне смерть – в 17 лет! («Молитва») [3. С. 15]

Может, эти слова – лишь результат юношеского максимализма. А возможно, уже тогда она предчувствовала (не могла не чувствовать), что в мире «людских костостей», ей, ранимой и гордой, будет сложно. «Она была каким-то Божьим ребенком в мире людей. И этот мир ее своими углами резал и ранил» [2. С. 30], – писал о Марине Ивановне Роман Гуль, познакомившийся с ней уже в 20-х годах. Эту детскую беспомощность перед внешним миром, «неумение жить» отмечали многие ее знакомые.

Более того, как считала И. Кудрова, «отлично сознавая собственный разлад с обыденной реальностью, Цветаева настойчиво вглядывалась в его истоки. И это одна из причин ее упорного возвращения к характеристике «странной особи человеческой» – поэта, живущего с обнаженным сердцем и не умеющего, как правило, легко справляться с земным порядком вещей. Цветаева усматривает здесь некую жестокую закономерность, проявление своеобразного закона природного равновесия – одно за счет другого» [2. С. 83]. Да, Цветаева эту «жестокую закономерность» осознавала и принимала, но это осознание не способно было исцелить от боли и одиночества сердце, израненное бытовыми (но более – душевными) неурядицами. Вот – слова самой Цветаевой, записанные Марком Слонимом в 1929 году: «Вот у Бодлера поэт – это альбатрос... Ну какой же я альбатрос? Просто ошипанная пичуга, замерзающая от холода; а вернее всего – потусторонний дух, случайно попавший на эту чуждую, страшную землю...» [2. С. 84]. Это сравнение (себя с «духом») часто повторяется в письмах, поэтических и прозаических произведениях: не ребенок, не женщина, а дух. Потому – неприятие всего земного, «грубого», бытового. А если любовь, встречи – то лучше не здесь, не в жизненной неустроенности, а в потусторонней сфере («Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне. А второе – переписка...» [2. С. 164]). Но обязательно – всей душой, всей внутренней любовью, всем духом. А если обида, боль – то до самой глубины, до ожога, до отчаяния и мыслей о самоубийстве. «Ведь я не для жизни. У меня все – пожар!.. Мне БОЛЬНО, понимаете? Я ободранный человек, а вы все в броне...» – почти кричала она в одном из писем Бахраху [2. С. 75].

«Ободранный человек», человек без кожи, с обнаженной душой, воспринимающей чужую боль как свою, а свою боль – как боль вселенскую, неизбежную. Поэт, подобный ребенку с его сверхчувствительностью и ранимостью, с его обостренным ощущением огромности мира. Ребенок собственного творчества, скованный бытовыми неурядицами, но свободный, независимый и непосредственный в своем самовыражении. «Часто сравнивают поэта с ребенком по примете одной невинности. Я бы сравнила их по примете одной безответственности. Безответственность во всем, кроме игры» [4. С. 297]. Под «игрой» М. Цветаева подразумевала творческий процесс, но и в буквальном смысле – во многих стихотворениях часто встречаются игровые элементы, построенные либо на необычной сочетаемости слов, либо на своеобразной рифмовке.

Одновременно Марина Ивановна, если соединить поэтическую метафору с физиологической характеристикой, – мать своих стихов. «Творческий процесс имеет женские особенности, и творческая работа берет начало в бессознательных глубинах – в материнской сфере» [6. С. 28]. Сама Цветаева отмечала в своей работе «Об искусстве»: «Стихи наши дети. Наши дети старше нас, потому что им дольше, дальше жить. Старше нас из будущего. Поэтому нам иногда и чужды» [4. С. 315]. Отмечала и их зависимость от личности творца, их почти родственную близость и причастность художнику, и одновременно – их вневременность, если использовать термин Юнга – «сверхличность».

«Каждая творческая личность представляет собой дуальность или синтез противоречивых качеств. С одной стороны, это все же человек со своей личной жизнью, а с другой – безличный творческий процесс» [6. С. 27]. В этом и заключается «старшесть», сверхличность произведений по отношению к своему творцу – и благодаря этому сам художник как бы перерастает собственную субъективность, собственную личность. «Как можно сомневаться в том, что художника объясняют не личные недостатки и внутренние конфликты, а именно его искусство? Все это не более чем печальные результаты его творческого бытия – бытия человека, на котором лежит груз, невыносимый для обычного смертного» [6. С. 27].

Именно – «груз», требующий огромного напряжения воли, силы самоотречения и отречения от всего окружающего. Иначе – можно не выдержать, заблудиться на пересечениях миров. Но М. Цветаева не могла в полной мере посвятить себя творчеству, ибо она была не только творцом («матерью своих стихов»), но и матерью трех, вполне реальных детей: Ариадны (Али), Ирины, которая умерла в Кунцевском приюте, и Георгия (Мура). И нам неизвестно: какое «материнство» было для нее тяжелее. Стихи требовали от поэта огромного духовного напряжения, «изживания» себя в поэтических сюжетах и образах. Но это было «изживание» как избавление, как спасение, а бытовые заботы не спасали, а лишь изматывали. Ее крайняя неприспособленность к бытовому уровню жизни не отменяла необходимости бытовыми делами заниматься. Часто ей приходилось жертвовать либо детьми ради творчества, либо своим творчеством – ради детей. Часто она жаловалась своим знакомым: «Устала от не своего дела, на которое уходит жизнь»; «Страшно хочется писать. Стихи. И вообще. До тоски» [2. С. 235].

Но, несмотря на эти жалобы, на ощущение разорванности между двумя мирами, по нашему мнению, материнство для М. Цветаевой было счастливым и желанным. Она в той же степени реализовала себя в своих детях, как и в своих стихах. Это замечание относится преимущественно к ее старшей дочери Ариадне, так как Ирина умерла, не дожив до трех лет, а Мур погиб в 19 лет. Для данного исследования материнский аспект (прежде всего по отношению именно к Але) является сущностным еще и потому, что «каждая мать содержит в себе свою дочь, а каждая дочь – свою мать» [6. С. 184]. Более того, «каждая женщина простирается назад – в свою мать и вперед – в свою дочь... Жизнь индивида преобразуется в тип и становится подлинным архетипом женской судьбы вообще» [6. С. 184]. Поэтому, чтобы выявить «архетип судьбы» М. Цветаевой, мы считаем, следует обратиться не только к личности ее дочери Али, но и к ее маме, М.А. Мейн. А между ними – сама М. Цветаева, ее судьба и ее творчество.

«Мать – Мария Александровна Мейн – страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет... Мать – сама лирическая стихия», – писала М. Цветаева в «Автобиографии» [3. С. 5]. Действительно Мария Александровна была очень талантливым человеком, причем разносторонне талантливым, но себя она посвятила своей семье, изначально – чужой. Когда она в 22 года вышла замуж за И.В. Цветаева, ему было уже 44 года и он имел двух детей. Мария Александровна вошла в новый дом, как в чужой мир, с чужими, печальными воспоминаниями (первая супруга Ивана Владимировича недавно умерла), с детьми, которые не хотели ее принимать (Лера так и не приняла ее до конца).

Но как же складывались у нее отношения с самой Мариной? Как отмечалось выше, ранние стихи М. Цветаевой исполнены теплоты и радости. Только радость эта грустная, лишь отраженный свет прошлой радости: стихи, вошедшие в «Вечерний альбом», написаны уже после смерти Марии Александровны. Потому в светлых стихах ее дочери слышатся нотки боли и тоски по ушедшему близкому человеку и по уходящему детству.

Но иное дело – прозаические произведения М. Цветаевой, затрагивающие период детства («Мой Пушкин», «Мать и музыка», «Хлыстовки» и другие). Так, литературовед Ирма Кудрова утверждает отсутствие простоты, понимания, нежности в отношении матери к Марине, и в этом видит корни ее трагического мироощущения. Действительно, многие эпизоды прозаических произведений М. Цветаевой пронизаны горьким ощущением отверженности и недолюбви, чувством обиды на непонимание взрослых, главным образом – матери. «Я у своей матери старшая дочь, но любимая – не я. Мною она гордится, вторую любит. Ранняя обида на недостаточность любви» [3. С. 5].

Но даже сквозь эти обиды (возможно, не всегда справедливые, просто – от слишком раннего сердца) – недетское, интуитивное со-чувствие сложной судьбе Марии Александровны. Конечно, в раннем детстве она не понимала личной драмы своей матери: для детей существует только настоящее, их настоящее. Но она уже тогда знала о своей маме то, что через 20 лет осознала.

И. Кудрова утверждала отсутствие простоты и понимания в отношениях между Мариной и мамой, непонимание из-за несхожести, духовной неродственности, несмотря на физиологическое родство. Но нам кажется, духовное родство как раз было очень сильно. На этом настаивала сама Марина Цветаева, это подчеркивала ее дочь Аля, об этом писали многие исследователи. Именно из детства М. Цветаева унаследовала (словно черпала из материнской души) трагизм мировосприятия, в том числе трагизм в любви. Удивительно, но по какому-то роковому совпадению любимого человека Марии Александровны, с которым ей пришлось расстаться, звали Сергеем Э., почти так же, как позже – мужа М. Цветаевой. Из детства – большая тяга к разлукам, чем к сближениям и встречам, любовь к искусству (а точнее – жизнь в свободной стихии искусства). Из детства же, от матери – гордость, непреклонность, своенравие, но и внутренняя страстность, которую сама Мария Александровна в себе подавляла.

Если собственное детство стало для М. Цветаевой истоком развития ее личности, ее Самости, ее творческого материнства, то детство ее дочери Али открыло для нее материнство не только на творческом уровне. Как и сама М. Цветаева, уже в детстве Аля отличалась необычайной талантливостью натуры. Во многом – благодаря своей маме. С четырех лет Марина Ивановна приучила ее к чтению, с пяти – к писанию (сама она начала читать и писать в том же возрасте). А с шести лет она приучила Алю каждый день вести дневник, хотя бы – по страничке. Но главное – М. Цветаева никогда не опускалась до детского уровня психики, до детского непонимания, часто воспринимая Алю как равного собеседника, родственного ей по духу.

Аля была первым читателем и ценителем новых стихов М. Цветаевой. Их отношения напоминали скорее дружбу, где доминантой, впрочем, была «Марина», как называла маму Аля. Но дружбой эти отношения были только до определенного времени, пока Аля не стала обыкновенной девочкой, со своими интересами, своей судьбой. Как писала сама Аридна об этом «переломе», кризисе позже: «я, заполнявшая свои тетради ею – я, которую она исписывала свои... – я становилась обыкновенной девочкой» [5. С. 14]. А «обыкновенности» М. Цветаева не понимала и не принимала, не терпела.

Можно предположить, что дружба Марины Ивановны с дочерью была дружбой двух одаренных, «взрослых» детей, один из которых (Марина) был старше по возрасту и сильнее, а другой (Аля) – впечатлительнее и наивнее. Но когда Аля переросла Ребенка в себе и, как мы считаем, утратила свойства Ребенка своей матери, их отношения изменились. И по мере

взросления Али они все более остывали и утрачивали свою сокровенную близость. Возможно, это было связано с «детскостью» самой Марины Цветаевой, которой легче было именно с ребенком, но равным ей по духу. А может, Аля просто не оправдала материнских надежд Марины Ивановны, ее представлений о своей дочери и как о личности, и как о творце.

Библиографический список

1. Каган Ю. М. Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели. М.: Отечество, 1992. 240 с.
2. Кудрова И. В. Версты, дали... Марина Цветаева: 1922-1939. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
3. Цветаева М. И. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. 512 с.
4. Цветаева М. И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. 478 с.
5. Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Советский писатель, 1989. 480 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.-Киев: ЗАО «Совершенство» - «Port-Royal», 1997. 384 с.